

Четвертая страница

В понедельник, в день питейный

И снится директору сон...

Директор школы М. А. Немчин шариком вкатился в класс... Дети замерли. И было отчего: ожидался нагоняй. Накануне дети побезобразничали: пили сырую воду (водку тож), шумели, дрались, устроили маленький пожарик и т. д. Безобразничали, конечно, не все, а единицы. Опито и трепетали в ожидании кары для себя, а остальные дрожали из чувства солидарности.

Директор начал «с места в карьер».

—Докуда! Докуда вы будете лениться, плохо работать, безобразничать без конца?

Многие детишки с облегчением вздохнули: «Повторение пройденного... Это у нас было уже не однажды... отмораемся... не впервой».

—Тимофей Казаков!—скомандовал директор.

Тимоша подошел...

—Ну,—грозно проговорил директор—говори!

—Я... я... сегодня урока не знаю... я вчера был...

—Пьян ты был вчера—равнял Немчин. —Водку пил?—пил!; дрался?—дрался!; шумел в коридоре гостиницы?—шумел! Пожар устроил. А работаешь ты плохо. Совсем плохо. Как тебе не стыдно!

—Виноват, Мойсей Аркадьевич—едва пролепетал Тима. Но, вдруг, расхрабравшись, он заявил: «Я осенью «отлично» получил».

—Это когда ты говорил, что «актер не повышающий своего идейно-политического уровня не может работать на сцене»,—вспомнил директор.—Говорить-то ты это говорил, а делаешь безобразие. Завтра же исключу из школы... Иди!

—Кручинин Михаил—вызвал директор.

—У него сегодня повышенная температура, сорок или больше градусов, в школу он не пришел—сказал кто-то с места.

—Повышенная—вопросил директор—а какие он лекарства принимает?

—Кажется, спиртные—непопад ответил тот же голос.

—А ты, что сидишь, опустив голову?—обратился Немчин к Шуре Анянову.

—Я... у меня... я тоже болен..., у меня тоже температура 40 градусов—залепетал Шура, распространяя вокруг себя запах винного перегара.

—Большаков Федор!—продолжает директор. В ответ на это нескладный детина, вечный неудачник на школьной сцене, в развалку, но очень независимо вышел к доске:

—Я не виноват, Мойсей Аркадьевич!—Я вчера не пил и не безобразничал—уверенно заявил он.

—Вчера? А в прошлый питейный день?, а в позапрошлый? А кто пьет систематически? А кто закон нарушил? А!?

Уверенность Феди Большакова пропала. Шаблонные для каждой его роли на сцене жесты пришли сами собой; правая рука Феди в волнении задергалась.

—Садись, ставлю плохо—не стал задерживаться директор.

—Ну, кажется пронесло!—думал в это время Паша Олейников, первый и непремный организатор выпивок.—Хорошо у

меня выходит: первый начну и во-время отойду. И пошальить успею, и виноват не бываю. Но... радужные мечты были внезапно прерваны директорским голосом.

—Олейников!

Паша вспотел, но решил, что еще не все пропало.

—Я вчера совсем мало выпил,—бойко начал он,—не кричал, не шумел, не дрался.

—Довольно,—прервал директор, а кто всегда первый затевает, кто вчера первый водку принес?

—Я!—промямлил Паша.—Больше не буду, честное слово не буду...

—Я тоже больше не буду...,—голосил на весь класс Тимоша Казаков и колотился головой о парту.—Пускай коллектив мне даст возможность исправиться.

Плакала Чернова Тоня, плакала Воронова Тоня: «Ни поиграть, ни потанцевать... Хотя МХАТ привезите... все равно...»—слышались их жалобы сквозь слезы.

Только один Ваня Смирнов не плакал. Не смущаясь тем, что его успехи едва ли хуже успехов Большакова, он стоял в грозной позе обличителя и восклицал:

—Кто дал вам право судить? Кто? Кто дал право вмешиваться в жизнь актера?

Но голос директора покрывал все:

—Не выйдет! Не выйдет!! Вы обязаны учиться... Этот раз вам на Риме не от'ехать. Отвечайте по всей программе.

Но вдруг кто-то пронзительным шопотом произнес:

—Но ведь ты, товарищ Немчин, еще недавно с нами пил! Директор скис...

К сожалению, это не сон. Навяу именно так и было. Попойки и скандалы у небольшой группы артистов Нарьянмарского театра стали систематическими. Понедельник, на их языке,—день питейный. Наиболее активные на этом поприще—Олейников, Кручинин, Большаков, Смирнов. А 30 марта ночью, на почве пьянства некоторые из этих «столпов святого искусства» в гостинице устроили скандал и драку, закончившуюся небольшим пожаром. Начал Олейников (но, во-время ушел), приняли участие Казаков Т. И., Абрамов, Михайловский. Разодрались, на шумели, Казаков, уйдя домой, разделся, а брюки и рубашку облил керосином и поджег.

Вопрос этот на другой день обсуждался на профсоюзном собрании. Но и тут не обошлось без номеров: Кручинин и Анянов перед собранием демонстративно напились (знай наших!)

.....
Все это так и было... не было только грозных речей директора театра. Вместо этого он невинно лепетал разный вздор, перемешанный наполовину со сплетнями, об отсутствии помощи и т. д. и т. п.

Вот и все...

Хотя не все. Помощь действительно нужна и самая радикальная, прежде всего от судебных органов, ибо хулиганство в общественном месте карается законом. Нужно помочь и коллективу театра.

Двоевы.